

Юлиус Шаксель. Жизнь и судьба

Е.Б. МУЗРУКОВА

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
muzrukova@mail.ru

В статье дан анализ основных событий жизненного пути Юлиуса Кристофа Эреготта Шакселя (Julius Christoph Ehregott Schaxel, 24 марта 1887 г. — 15 июля 1943 г.), немецкого биолога, уроженца Аугсбурга, одного из первых марксистов-биологов, трагически закончившего свой жизненный путь в СССР. Его учителями были крупнейшие немецкие биологи, придерживавшиеся правых взглядов, в том числе национал-социалистических. Первоначально Шаксель изучал биологию, философию и психологию в Йене у Э. Геккеля (1834–1919). Затем он учился в Мюнхене у Р. Гертвига (1850–1937), а степень доктора философии получил в Йене при Л. Плате (1862–1937). С 1918 по 1933 г. он был адъюнкт профессором зоологии в Йене. Тем более интересны причины, приведшие его в лагерь левых в первые годы Веймарской республики. После прихода к власти Гитлера он был уволен и эмигрировал через Швейцарию в Ленинград, где получил место в Институте истории науки и техники. В 1934 г. переехал в Москву, где стал работать в Институте экспериментального морфогенеза. Оказал значительное влияние, в том числе идеологическое, на советских биологов. Специализировался в областях биологии, связанных с эмбриогенезом, регенерацией и теоретической биологией.

Ключевые слова: марксизм, идеологизации биологии, история биологии, Юлиус Шаксель.

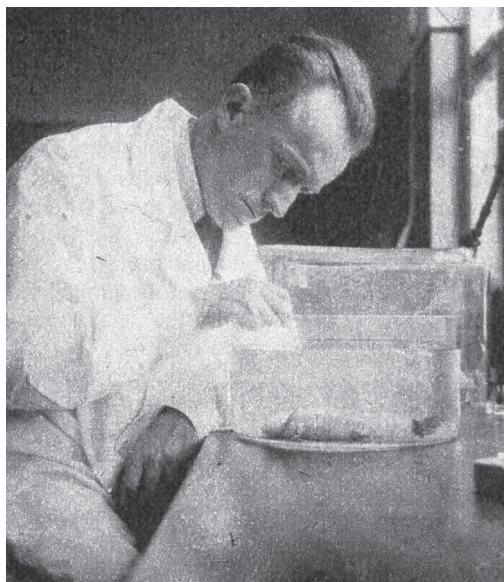
Ты иногда не знаешь, насколько тяжёл груз, который несешь.
Американская пословица

Выявление закономерностей развития отечественного естествознания в 1930–40-е гг. — очень непростая задача. Важно установить и общие принципы, и коренные различия, существовавшие в развитии отдельных наук и научных направлений. Но история, как известно, несводима к набору чётких, пусть и чрезвычайно удачно подобранных формул. В эпоху бурных общественных процессов и социальных катаклизмов усиливается роль вненаучных факторов, скептическое отношение к учителям, соглашательство с позициями власти.

Как неоднократно подчёркивал в своих выступлениях М.Г. Ярошевский, 1930–40-е гг. в истории науки СССР — это и репрессии идей, и репрессии научного сообщества. Самое страшное заключалось в том, что в это время началась нравственная деформация личности учёного. Для того чтобы сохранить свою жизнь, жизнь своих близких, иметь возможность вести научную работу, люди начинали жить двойной жизнью. Возникает феномен двойного сознания, или двоемыслия, по Оруэллу.

Понимая всю нелепость и абсурдность происходящего, невозможность что-либо изменить, даже лучшие представители научного сообщества пытались найти свою «экологическую нишу», заниматься тем, что не вызовет недовольства властей.

Это, прежде всего, относится к тематике исследований. Даже тем, кто ещё мог в 1930-е гг., до окончательной победы лысенкоизма, заниматься такими «буржуазными» направлениями, как классическая генетика, иммунология, физиология высшей нервной деятельности, приходилось постоянно искусственно связывать свои исследования с диалектическим материализмом и задачами практики. Наиболее проходимыми

Шаксель в лаборатории (1928)

становились темы, безупречные с точки зрения господствующей идеологии: эволюционное учение и дарвинизм (иногда совершенно неверно трактуемые), описательные морфологические дисциплины, клеточная теория (и всевозможные спекуляции на ней), упомянутая Ф. Энгельсом в «Диалектике природы».

Приоритет отдавался прикладным наукам, связанным с сельскохозяйственной практикой: увеличением урожайности сельскохозяйственных культур или плодovitости скота, что соответствовало установкам партии. Как заявил Н.И. Бухарин в директивной речи 1928 г.:

«Наша наука начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практики. Она перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; она уже непосредственно соприкасается с великими задачами хозяйственного строительства, от которого она — прямо или косвенно — получает свои теоретические задания. Рабочий класс лихорадочно быстро расширяет круг своей работы» (Бухарин, 1988, с. 373).

Кроме того, поддержкой сверху пользовался ряд медико-биологических проблем, которые на фоне миллионов смертей от голода и разрухи поднимали вопрос о победе над смертью при социализме и достижении мифического долголетия — своего рода «сказка» для взрослых.

Что касается истории биологии, то здесь выбирались «прогрессивные» учёные, боровшиеся с реакцией во всех её обликах. В длинном историческом списке стояли самые разнообразные фигуры: начиная с философов античности и кончая К.А. Тимирязевым и И.И. Мечниковым, провозглашенным чуть ли не борцом с самодержавием. Таким образом, мы видим, что определённые черты упрощения и инфантилизма становятся неотъемлемой частью истории биологии 1930-х гг.

Наиболее характерными чертами биологии 1920–30-х гг. стали этатизация и идеологизация. Воля к знанию отождествлялась с волей к власти. Провозглашённая на словах свобода «пролетарской» науки не значила ровным счётом ничего. Она полностью была подчинена государственным органам власти или псевдонаучным организациям, так или иначе связанным с властными структурами.

Если вспомнить развитие науки в России до революции, то большинство российских учёных ставили перед собой цель научной работы вне всякой политической деятельности, хотя определённая часть революционно-демократической интеллигенции стремилась подчинить интересы науки высшему служению народу. В основном же русские учёные использовали принцип И.М. Сеченова «ни реакции, ни революции».

Неудивительно поэтому, что государственной власти пришлось столкнуться с сопротивлением научного сообщества при попытке подавить традиционные свободы. Дух авторитарности вовсе не являлся родным для «русской почвы», а тем более для свободлюбивых и свободомыслящих в большинстве своём русских учёных-естественников. Я позволю себе процитировать довольно значительный отрывок из статьи С.И. Лунева, характеризующий состояние русской культуры, обусловившее те жестокие меры, к которым пришлось прибегнуть тоталитарному режиму при попытке её огосударствления:

«Русская культура <...> была открытой, чем и объясняется ее способность, с одной стороны, воспринять целые духовные пласты других цивилизаций, творчески переработать их и органично интегрировать в себя, а с другой стороны, оказывать самое активное воздействие на другие цивилизации. Именно духовная свобода способствовала тому, что в России значительно чаще, чем в других странах, носителями революционных идей становились выходцы из тех классов и слоев, против которых эти идеи и были направлены <...> Естественно поэтому, что практически всю российскую интеллигенцию, воплощавшую дух народа, тоталитарному режиму пришлось уничтожать под корень, и она либо эмигрировала (и способствовала колоссальному творческому скачку Запада), либо закончила свой путь еще более трагично на родной земле» (Лунев, 1989, с. 140).

Подчинение науки государственной власти стало возможным лишь с применением репрессий. То же самое произошло и с идеологической составляющей науки.

Общие черты идеологизации естествознания 1930-х гг. отражены в работе А.П. Огурцова (1989). Он показал, что борьба «диалектиков» и «механистов», развернувшаяся в конце 1920-х гг., очень сильно затронула биологию, так как при интерпретации биологических процессов возникали многие квазифилософские проблемы: переход количества в качество, скачки и перерывы постепенности, сводимость или несводимость живого к физико-химическим процессам. Уже в ходе этой борьбы делались прямые политические выводы о лояльности того или иного учёного. Все критики механицизма, среди них П.П. Лазарев, Л.С. Берг, А.Г. Гурвич, В.Н. Беклемишев и В.И. Вернадский, были причислены к идеалистам, врагам марксизма и советской власти.

Идеологизации биологии имела ряд специфических черт, которые порой ускользают от внимания исследователей. Тем не менее их нельзя упускать из виду, поскольку они во многом определили процесс развития отечественной биологии.

В данной статье нельзя обойтись без анализа марксизма 1920–30-х гг. прошлого века, ставшего в какой-то момент «академическим». Я с большим интересом ознакомилась со статьей А.Н. Дмитриева (2007), и процитирую некоторые положения этой статьи.

«В первые десятилетия XX века влияние марксизма на круг идей и методологию исследований в области наук о человеке было скорее периферийным и распространялось, наряду с другими социалистическими доктринами, преимущественно в среде младшего поколения преподавателей гуманитарных дисциплин <...> Должна была измениться философская, интеллектуальная “рамка” марксизма, и, с другой стороны, должно было существенно трансформироваться само поле наук о человеке, чтобы их встреча и взаимодействие оказались возможными. На смену приват-доцентскому европейскому марксизму образца Зомбарта и Михельса (в духе “антиидеализма”, экономического материализма) начала XX в. должен был прийти историцистский и “экзистенциальный” марксизм, переведенный в плоскость “теорий среднего уровня”: программ социальных и гуманитарных исследований. На Западе почва для этого “современного” академического марксизма создалась только после изменений в социальных и гуманитарных науках после кризисных испытаний 1930—1940-х годов <...>

Марксизм в 1920–30-е годы как предмет интеллектуальной истории должен пониматься двояко — как легитимная идеология победившей власти и как определенный набор методологических установок, которыми призваны были овладеть и которые должны были применять в своих изысканиях советские ученые... Парным же здесь является понимание марксизма как особого метода познания социальных явлений, как метатеории и одного из направлений в рамках наук о человеке. Сразу же оговорим, что, с нашей точки зрения, в истории 1920-х и 1930-х гг. обе эти составляющие марксизма — научная и политическая — не были отъединены друг от друга, а сосуществовали <...> Для теории марксизма важнейшими были установки на материалистический анализ, видение мира в его системности и диалектически противоречивой динамике» (Дмитриев, 2007, с. 10–12).

Биология, в отличие от физики или химии, для чисто обывательского, поверхностного взгляда казалась легко доступной и понятной. Именно на её примере было удобно ставить всевозможные эксперименты с диалектизацией и т. д. Поскольку биологические процессы сложны и противоречивы, в них легко можно было найти подтверждение практически всех законов диалектики и в то же время обвинять своих оппонентов по той или иной проблеме в идеализме и метафизике, умело подобрав аргументы. При этом использовались самые примитивные приёмы, способные воздействовать на воображение обывателя.

Кроме того, именно биология была той наукой, на которой в основном построена «Диалектика природы» Ф. Энгельса. Он опирался в своих построениях на работы И. Мюллера, Ч. Дарвина, Р. Вирхова, Э. Геккеля. В силу этого биология становилась своего рода демонстрационным объектом, на котором можно было учить диалектике.

На общем фоне разрушенного сельского хозяйства близость к биологии помогла заручиться поддержкой верхов: всегда можно было придумать проблему, связанную с повышением урожайности, выведением новых сортов, пород и т. д. Это и сделал в дальнейшем Т.Д. Лысенко.

И наконец, особую роль, которую нельзя не учитывать, сыграли немецкие биологи-марксисты, эмигрировавшие в СССР в 1920–30-е гг., бежавшие от нацизма и оказавшие огромное влияние на формирование мировоззрения молодого поколения биологов, вступивших в науку в 1920-е гг. В этом ряду, прежде всего, необходимо выделить Ю.Ю. Шакселя (1887–1943), выдающегося немецкого биолога. В силу своего научного авторитета и общительного характера Шаксель сумел стать «своим» для многих советских коллег.

Портрет-шарж Л.Э. Кирхнера (1918)

Один из последних учеников знаменитого зоолога Э. Геккеля, фигуры выдающейся и противоречивой, приверженца монистической философии, Шаксель к началу 1920-х гг. был в Германии известным специалистом в области экспериментальной эмбриологии, теоретической биологии, и признанным борцом против витализма. Сам он считал, что своими экспериментальными работами 1912–1915 гг. доказал несостоятельность витализма в интерпретации Г. Дриша. Подводя итог своим исследованиям по регенерации асцидий, Шаксель писал:

«Наше опровержение витализма тем более обосновано, что оно не связывает себя обязательством доказать принципиальную возможность механистического толкования жизненных процессов. Энтелехия не является природным фактором *suí generis* <...> потому что приписываемая ей деятельность ничем не обнаруживается» (Schaxel, 1915, S. 195).

То, что обычно называют регуляцией, Шаксель назвал «упорством формы», а принцип сохранения формы, связанный с взаимным расположением материальных частей, по мнению Шакселя, изначально присущ органической структуре.

В 1911 г. Шаксель стажировался у Р. Гертвига. Вскоре он стал профессором Йенского университета, а с 1918 г. работал в Институте экспериментальной физиологии, организованном в Йене с помощью фирмы К. Цейса. Ещё в молодые годы Шаксель стал марксистом, а в ноябре 1918 г. принимал самое активное участие в революционных событиях в Германии. То, что он был учеником и другом Э. Геккеля, уже говорит

о многом. Очевидно, они были схожи по темпераменту и твердости характера. Шаксель создал в 1924 г. научно-популярный журнал «Urania», широко известный в Германии и Европе, запрещенный национал-социалистами в 1933 г.¹

В 1924–1925 гг. Шаксель по приглашению Института К. Маркса и Ф. Энгельса впервые приехал в Советский Союз. Он принимал участие в юбилейных торжествах Академии наук СССР, участвовал в подготовке сборника «Памяти Ленина»². Он также готовил комментарии к рукописи «Диалектика природы» Ф. Энгельса³.

После прихода нацистов к власти Шаксель был уволен из Института и эмигрировал из Германии, отклонив престижное предложение Э. Гийено работать у него в Швейцарии и публично отказавшись от немецкого гражданства. Он уехал в Ленинград и в 1933 г. стал гражданином СССР. Первоначально Шаксель работал в Институте истории науки и техники, где занимался теоретическими вопросами биологии, причем, как отмечают исследователи этого периода, его работы можно отнести к разновидности академического, а не вульгарно-идеологизированного марксизма. Шаксель привез из Германии новейшее оборудование и богатую библиотеку (Чумакова, Дмитриев, 2004). В библиотеке ИИЕТ РАН можно было встретить книги из его библиотеки.

После переезда АН СССР в Москву, Шаксель работал в Институте экспериментального морфогенеза, которым руководил профессор Р.И. Белкин. В Институте для него была организована самостоятельная лаборатория механики развития с прямым подчинением Президиуму АН СССР.

Все, с кем нам довелось беседовать о судьбе Шакселя в московский период его деятельности (а беседовали мы много, я и моя германская коллега Ирина Нитцольдт, рано ушедшая из жизни), отмечали его антифашистские выступления, очень яркие и темпераментные, его интересные научные доклады. Расцвет его научной карьеры уже подходил к концу, хотя из его лаборатории по регенерации вышли очень интересные работы. До 1937 г. в своих печатных публикациях Шаксель активно пропагандировал диалектический материализм и марксизм, пытался найти компромисс с неоламаркизмом. Даже произведения своего учителя Геккеля Шаксель по возможности «диалектизировал». Это была дань времени. В обыденной жизни он был гедонистом, что позволило властям впоследствии манипулировать им, и его поведение в некоторые моменты, возможно, объясняется этим.

В 2000 г. В.Д. Есаков опубликовал очень интересные документы в сборнике «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) / ВКП(б) / КПСС». Там я нашла письмо Шакселя, обсуждавшееся в повестке дня Политбюро, касавшейся VII генетического конгресса. Письмо Шакселя — это ответ профессору Вальтеру Ландауэру на письмо 1936 г., который спрашивал его: 1. Признано ли в СССР изменой некоторые обобщения менделеевской генетики? 2. Признано ли недопустимым применять к человеку генетическое разнообразие в той форме, как оно установлено у других организмов?

¹ В 1947 г. журнал был возрожден Г. Шнейдером. В 1987 г. специальный выпуск (№ 3) был посвящён столетнему юбилею Шакселя.

² Сборник был составлен М. Сербоцким под редакцией В. Полонского (М.: Изд-во ВВРС, 1924). Шаксель подготовил специальную статью.

³ «Диалектика природы» была впервые опубликована в СССР в 1925 г. Институтом Маркса и Энгельса параллельно на немецком и на русском языках. («Архив Маркса и Энгельса», кн. 2, редактор Д.Б. Рязанов). В настоящее время это издание стало библиографической редкостью и даже крупнейшие библиотеки страны располагают только вторым изданием (1929).

Шаксель ответил Ландауэру в 1937 г. Его ответ производит странное впечатление: документа, написанного под диктовку. Приведу для наглядности его часть:

«Вы спрашиваете меня, не ставится ли преграда для обобщения менделизма и применения его к человеку в нашей стране. На этот вопрос я не могу ответить простым да или нет, потому что, мы в стране социализма рассматриваем человека не столько как биологический объект, сколько как члена общества. К человеческому обществу, насчитывающему тысячи лет культурного развития, применение методов зоотехники мы считаем научным грехом и величайшим абсурдом. Вы, безусловно, знаете, что писал Ф. Энгельс в 1876 г. о роли труда в очеловечивании обезьян. Уже из этого вытекает, почему мы решительно отклоняем евгенику, базирующуюся на животноводческих принципах» (Есаков, 2000, с. 251–253).

Далее, говоря о работах Серебровского и Кольцова, Шаксель называет их варварством, напоминая законы немецкого фашизма, он продолжает:

«Наши ученые по поводу таких научных несуразностей не преследуются. А тем более не арестовываются. Публично в общей и специальной прессе им указывается на неправильность суждений. Они имеют полную возможность дальше вести свою исследовательскую работу. Хочу думать, уважаемый доктор Ландауэр, что на Ваши вопросы я ответил достаточно полно <...> Если Вам угодно получить дополнительные разъяснения по любому вопросу, то я готов. К Вашим услугам, с наилучшим приветом, преданный Вам Ю.Ю. Шаксель» (там же).

Шаксель писал тоном настоящего коммуниста-пропагандиста. И вообще, письмо производит странное впечатление, как и вся эта история. Шаксель как будто бы боится сказать лишнее слово, да и то, что написано, похоже по стилю и содержанию на письмо очень среднего человека, а не яркого и талантливого учёного. Очевидно, ему уже угрожали — был 1937 г.; возможно, припомнили симпатии к троцкизму. В этом же году он был уволен с работы, а в 1938 г. репрессирован (точная формулировка обвинения пока неизвестна). Он вернулся через год уже совершенно сломленным человеком.

Шаксель тяжело переживал и своё заключение, и начало Отечественной войны. У него началась тяжёлая депрессия. Он трагически погиб в академическом санатории «Узкое» в 1943 г. (сгорел в постели от непотушенной сигареты). До сих пор неизвестно место его захоронения, мы знаем только, что его кремировали в Донском монастыре. Вдова Шакселя Эрна долгое время работала в библиотеке АН СССР в Ленинграде, когда и.о. директора был Д.В. Лебедев, потом она уехала в ГДР.

Юлиус Шаксель, пользовавшийся большим научным авторитетом, не мог не оказать влияния на формирование мировоззрения молодых биологов-экспериментаторов в СССР (Колчинский, 1999). Черты идеологической воинственности и бескомпромиссности многих из них были непосредственным следствием свойственной их учителям-немцам прямолинейности и твёрдости. Л.Я. Бляхер, работавший с Шакселем в Институте экспериментального морфогенеза, всегда отзывался о нём с большим уважением и называл только «Юлиус Юльевич». А это многого стоило в устах Леонида Яковлевича.

Имя Шакселя связано и с первыми попытками создания у нас в стране истории науки, основанной на биологическом фундаменте (Шаксель, 1926). Для этого надо вернуться в 1920-е гг. В начале 1920-х гг. Шаксель выпустил книгу «Биологические

теории и общественная жизнь», которая была переведена на русский язык в 1926 г. Во введении он писал:

«Сделать науку всеобщим достоянием — является основной задачей, оставляющей далеко позади себя ограниченные цели буржуазного народного просвещения. Популярное изложение науки, доступное трудящимся народным массам, составляет задачу действительного народного образования» (Шаксель, 1926, с. 1).

Шаксель писал, что если выбирать из совокупности наук о природе и обществе науку как предмет народного образования, то наука о жизни будет стоять на первом месте.

«История биологии в высшей степени поучительна в том отношении, что она дает возможность понять науку как продукт общественных условий. Она не содержит вечных истин о жизни в природе, а является отражением человеческих истин в ходе исторического развития общества. Чтобы овладеть теоретическим фундаментом науки, необходим критический анализ теорий; эта критика должна стремиться к обоснованности, последовательности и полноте. Биология является прекрасным материалом для тренировки мысли <...> В ней мы сталкиваемся с теми наиболее жгучими вопросами современности, которые всем близки» (там же).

В этой работе Шаксель определил основные вехи истории биологии: 1) история биологических воззрений; 2) система основных понятий; 3) научное знание и его применение. Если бы эта книга была написана, несмотря на диалектический материализм, без которого не мог обойтись ее автор, она могла стать хорошим учебником для высших учебных заведений.

Судьба Ю. Шакселя трагична, и, может быть, роковую роль в его жизни сыграло влияние Э. Геккеля, человека непримиримого, обладавшего стремлением к максимальной систематизации, которое Б. Рассел справедливо назвал «прусской манией организации, абсолютных различий и железного формализма» (Russel, 1916, p. 257).

Литература

Дмитриев А.Н. «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. № 88. 2007. С. 10–38.

Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции // Н.И. Бухарин. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 368–390.

Есаков В.Д. (сост.) Академия наук в решениях политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: 1922–1991. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.

Колчинский Э.И. В поисках советского союза философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 237 с.

Лунев С.Л. 70 лет истории и три этапа тоталитаризма в СССР // Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество СССР, 1989. С. 136–144.

Огурицов А.П. Подавление философии // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 359–361.

Чумакова Т.В., Дмитриев А.Н. История науки в Петербурге // Науковедение. № 1. 2004. С. 194–210.

Шаксель Ю. Биологические теории и общественная жизнь. М.; Л.: Госиздат, 1926. 89 с.

Schaxel J. Die Leistungen der Zellen bei der Entwicklung der Metazoen. Jena: G. Fischer, 1915. 336 S.

Russel E.S. Form and function; a contribution to the history of animal morphology. London: J. Murray, 1916. 283 p.

Julius Schaxel. Life and Fate

ELENA B. MUZRUKOVA

Institute for the History of Science and Technology, RAS, Moscow, Russia;
muzrukova@mail.ru

The article analyzes the milestones of the life journey of Julius Christoph Ehregott Schaxel (March 24, 1887 – July 15, 1943), German biologist, one of the first Marxists among biologists. He was born in Augsburg and came to a tragic end in the USSR. His teachers were eminent German biologists of the right political wing, i.e. national socialists. In the beginning Schaxel studied biology, philosophy and psychology in Jena with professor E. Haeckel (1834–1919). He then took classes in Munich with O. Hertwig (1850–1937), and received his doctorate in Jena under the supervision of Plate (1862–1937). From 1918–1933, he was an associate professor of zoology in Jena. The article examines the reasons of his shift to the left political wing in the early days of the Weimar Republic. After Hitler had come to power, Schaxel was fired and escaped through Switzerland to Leningrad where he was given a place in the Institute for the history of science and technology. In 1934 he moved to Moscow where he began to work in the Institute of experimental morphogenesis. He asserted great influence, including ideologically, over soviet biologists. His fields of research in biology were connected with embriogenesis, regeneration and theoretic biology.

Keywords: Marxism, bringing ideology in biology, history of biology, Julius Christoph Ehregott Schaxel.